

ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОР

Тынысбек КОНЫРАТБАЕВ

(Алматы)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Мақалада қазақ эпосының этникалық сипатын зерттеудің ғылыми-методологиялық мәселелері таным теориясының аясында қарастырылған.

Makalede kazak eposinin etnik hususiatlari araştırılmıştır.

Эпосоведение – одно из основных направлений в мировой фольклористике, занимающееся изучением как типологических сходств, так и локальных своеобразий различных героических сказаний. В фольклористике известны многочисленные школы и направления, которые можно сгруппировать вокруг трех познавательных основных процессов: поэтического, историко-поэтического и историко-этнического.

Несмотря на то, что в мировой фольклористике все эти направления функционируют равнозначно: труды В.Проппа, Б.Путилова – с одной стороны, исследования А.Веселовского, В.Аникина, А.Петросяна – с другой, работы Б.Рыбакова, М.Плисецкого, Л.Емельянова – с третьей, в казахском эпосоведении доминирует в основном поэтическое направление, которое, опираясь на художественно-поэтическую систему, в некоторой степени игнорирует историзм героического эпоса. Тем не менее, изучение историко-познавательной природы эпоса – не догма, а совершенно новое направление, порожденное новым научным течением. Описывая методологию этой концепции, А.Эткинд пишет, что «новый историзм – история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу... Через текст с его историей видна история как таковая, иногда обобщенно, иногда в мелочах. Степень увеличения и охвата зависит от силы текста и еще – от силы чтения» [1].

Не секрет, что отдельные фольклористы придерживаются мнения, будто героический эпос – явление художественное [2]. На этой почве все ономастические наименования, встречающиеся в эпосе, воспринимались ими как вымысел, отдаленный от историко-этнического процесса. Однако, ссылаясь на мнение того же А.Эткинда, можно добавить, что многое зависит от отношения исследователя к тексту. «Сильный читатель» имеет собственный словарь, который он вкладывает в тексты, давая им свои сильные чтения... Успех имеет такое чтение, которое отвечает центральным проблемам современной ему культуры» [1,40], – утверждает автор.

Общеизвестно, что не все образцы фольклора соотносимы с этническим процессом. Однако в героическом эпосе также нетрудно обнаружить следы этнической истории, которые должны быть изучены с

позиции принципа историзма в науке, ибо поэтический метод - с его историко-сравнительным подходом - привел эпосоведение к научному застою, основную причину которого В.Гацак видел в одностороннем художественно-познавательном подходе к изучаемому объекту [3]. Отсюда вытекает необходимость в более углубленном теоретическом освоении эпоса, как объекта научного познания.

Забегая вперед, можно сказать, что лишь историко-этническое изучение способно преодолеть тот застой, который образовался в эпосоведении не только Казахстана, но и стран СНГ. Это говорит о том, что фольклористы, ограничивающиеся утверждением, высказанным еще на рубеже 50-х гг., будто эпос создает свою художественную действительность, мало занимаются проблемами обогащения приемов исследования методологическими достижениями этнологии, этногеографии, этнической истории, ономастики, философии и этнофольклористики. Игнорируя достижения представителей исторической фольклористики в лице С.Азбелева, Н.Кравцова, А.Петросяна, М.Плисецкого и др., они утверждают, что эпос – явление литературное, следовательно - словесное. Достаточно сказать, что подобный консерватизм, огульно отвергающий историзм эпоса, далек даже от всемирно признанного определения термина «фольклор», выработанного на совещании правительственных экспертов по сохранению фольклора при ЮНЕСКО, состоявшемся в Париже 1 марта 1985 года [4].

При определении историко-познавательной природы героического эпоса одностороннее типологическое изучение ничего существенного не вносит. Увлеченные этим направлением ученые даже не подозревают, что их изыскания, в определенном смысле, имеют компилятивный характер, ибо на теоретико-методологическом уровне они представляют собой лишь повторение и приспособление приемов типологического изучения к природе казахского героического эпоса.

Отдельные казахские ученые также придерживаются мнения, будто героический эпос – истина художественная [5]. Нам хорошо известна позиция Б.Н.Путилова, который, без убедительных научных доводов, пытался доказать, что его мнение есть абсолютная истина. Некоторые ученые не хотят мириться с тем, что в фольклористике могут сосуществовать несколько научных направлений.

Фольклор – явление полифункциональное. Следовательно, здесь неуместны гипотезы, строящиеся лишь на отдельных своеобразиях героического эпоса, которые не могут выдаваться за научную теорию – истину. Изучение эпоса в историко-этническом и художественно-поэтическом аспектах – вот одна из актуальных проблем современного эпосоведения. В противном случае из поля научного познания выпадают такие важные компоненты эпоса, как его историзм, этническая и географическая принадлежность к какому-либо племени, региону. Односторонне художественный подход не может быть результатом всеобъемлющего изучения эпоса, следовательно, результатом научного

познания. По существу, это - повторение общеметодологических установок эпосоведения, не учитывающих ментальных своеобразий казахского героического эпоса. Игнорирование историко-этнической сущности эпоса отдельными учеными - тому пример.

В героическом эпосе немало типологических черт – сходств мотивов и сюжетов, обычно выдаваемых за своеобразие поэтики эпоса. Но это лишь содержательная сторона вопроса. Тогда как художественная и историческая сферы эпоса несут разные функции, которые, по словам В.Е.Гусева, в отдельности объяснить специфику героического эпоса не могут.

Конечно, степень отражения исторической действительности в эпических сказаниях неодинакова. Тем не менее, этнические истоки героического эпоса заслуживают внимания. Достаточно сказать, что все еще остается неизученной этногеографическая номенклатура, содержащая многочисленные сведения историко-этнического порядка. Это обстоятельство особо ощущается при попытке научного изучения ономастики, которым изобилует героический эпос.

Не только мотивы и сюжеты должны быть объектом изучения, но и антропонимы, этнонимы и топонимы. Многие личные имена, включая и историко-географические наименования, попадают в эпос под непосредственным влиянием этнического сознания, для которого чужды элементы фантазии и художественности. И считать это проявлением типологии, а не реальной истории, нецелесообразно. Например, Коркыт, Алпамыс, Кобланды – антропонимы, образовавшиеся на основе этнонимов. Этнические истоки казахского фольклора наблюдаются в «Книге моего деда Коркыта», «Алпамыс», «Кобланды» - эпических сказаниях отдельных тюркоязычных племен: огузов, коныратов и кипчаков.

Очевидно, роль эпической традиции нельзя преувеличивать. Несмотря на постоянное развитие эпоса, необходимо учесть, что не все элементы подвергаются художественной обработке. Принадлежность вышеуказанных сказаний к названным этническим группам наблюдается во всех существующих версиях и вариантах и вряд ли это можно считать историко-типологическим соответствием. Несмотря на то, что в художественном плане имеются отдельные эпизодические особенности, этническая основа каждого эпического сказания устойчива и неизменна. Этим и определяется необходимость пристального изучения этнических истоков героического эпоса.

Отношение фольклора к этнической истории рассматривалось в работах В.Абаева, С.Абрамзона, Г.Васильевой, М.Грязнова, Б.Кармышевой, С.Киселева, А.Окладникова и других ученых – историков, этнографов и фольклористов. На сегодняшний день в казахской фольклористике эта научная проблема не стоит на переднем плане.

Еще Н.И.Кравцов утверждал, что эпос – не поэтическая обработка сказания, а особый путь сохранения исторической действительности в народной памяти [6]. Об историзме фольклора писали также Л.Толстова,

В.Пименев и Т.Долгих. Если С.Серов и Р.Липец с большим огорчением писали, что этой важной проблемой занимаются, в основном, этнографы и археологи [7], то А.Налепин утверждал, что преувеличение роли фольклора, как исторического источника, - ошибка менее значительная, чем недооценка его исторической сущности [8]. Все эти мысли в определенной степени проливают свет и на данную научную проблематику.

Какова связь героического эпоса с историко-этническим процессом? Степень устойчивости этнонимов в героическом эпосе? К какой категории исторических источников можно причислить героический эпос? В чем его ценность? Все эти вопросы нуждаются в пристальном изучении. Время, когда эпос был объектом лишь поэтического изучения, прошло. Всплывают новые проблемы эпосоведения, связанные с этнической природой казахского героического эпоса.

Представители историко-сравнительного метода в некоторой степени затрагивали вопрос об историзме эпоса. Однако они ограничивались изучением процесса становления поэтики, т.е. художественной системы, минуя при этом сам исторический процесс. Такие понятия, как «эпическая эпоха», «эпическое сознание», «эпическое время», столь часто применяемые сторонниками поэтического направления без должной аргументации, нуждаются в дополнительном научном обосновании. К какому типу исторической формации и общественного сознания они могут быть отнесены?

Этими понятиями оперируют не представители, этнографии и этнологии, а фольклористы, рассматривающие эпос в отрыве от этнографии. Они не вносят ничего нового в эпосоведение, тем более в теорию этнофольклористики. В философском аспекте эпическое сознание – надстройка. Тогда как основным объектом казахского эпоса должно быть этническое сознание, т.е. базис.

Опираясь не вышеизложенное, мы считаем, что многие эпические жанры, в том числе эпос и легенда, создаются по следам исторических событий, под непосредственным воздействием этнического процесса. «Предания, легенды и эпос – сокровищница, откуда народ в течении веков и тысячелетий черпал знания в области истории – своей и окружающего мира» [9]. Однако эти теоретические аспекты мало привлекают наших фольклористов, столь увлеченных поэтикой казахского героического эпоса.

Создается впечатление, что ученые-фольклористы идут по инерции эпосоведения 50-70-х гг. При этом мало учитываются как особенности эпической традиции казахского народа, так и формы бытования эпических жанров.

Эпос – явление синкретическое, существующее во времени и пространстве. Живая эпическая традиция, наряду с этнической природой, как правило, содержит два основных компонента: музыкальный напев и поэтический текст. Изучение соотношения, т.е. синхронности или

асинхронности этих художественных начал также вносит свои коррективы в рассматриваемую проблему.

Музыкально-эпическая традиция - явление глубоко самобытное, несущее собой этническую информацию об исторических этапах становления казахской народности. Она впитала в себя основные свойства народного мелоса, уходящего своими корнями в глубь многих столетий. Поэтому наряду с поэтической природой эпоса, музыкальный напев можно рассматривать как один из символов казахской народности.

Музыкально-эпическая традиция ценна и тем, что сохраняет огромное количество сведений этнографического характера. Среди них этнонимы - огуз, кипчак, кият, конырат, антропонимы - Коркыт, Казан, Бамсы-Бейрек, Аруз, Алпамыс, Кобланды, Ер Таргын, топонимы - Баршын, Байсын, Караспан и т.д., которые донесли до нас определенную историческую информацию.

Элементы этнического сознания прослеживаются не только в эпических сказаниях, но и в других образцах музыкального фольклора. В этнографическом сборнике А.Затаевича «1000 песен казахского народа» мы находим и топонимы («Атырау», «Сарыарка»), и оронимы («Каратау», «Богда», «Кокшетау»), и гидронимы («Жайык», «Едил бойы», «Сары озен»). Все перечисленные образцы музыкального фольклора созданы под непосредственным влиянием этнографического ландшафта и этнического процесса.

Небезинтересны музыкально-фольклорные произведения, имеющие этническую основу: «Найман» (№46), «Тобыкты Сулеймен» (№60), «Алтай» (№102), «Кипчак» (№379), «Аргын-Кипчак» (№397), «Алим» (№994) и др. Все эти образцы могут служить ценнейшим материалом для научных изысканий музыкально-этнологического характера.

Об историзме музыкального фольклора писал еще В.В.Асафьев, который считал, что интонация - процесс, тесно связанный с историко-общественным сознанием народа [10]. Своей знаменитой фразой "умейте снимать археологические напластования с напева" [11] он по существу заложил основы музыкальной этнологии. Именно эта идея послужила стержнем для этномузыкаловедческих изысканий И.И.Земцовского [12], рассматривавшего музыку устной традиции как исторический источник. Ученого интересовали не только история, запечатленная в музыке, но и "народный мелос" как зеркало соответствующего этноса и социума" [12, 158]. Очевидно, автор имел ввиду совокупность стилистических свойств, т.е. ментальность музыки эпоса. Следуя этой концепции, можно считать, что музыкальный напев может быть источником как по древней, так и по современной музыке.

Говоря об эпической традиции, нельзя ограничиваться лишь проблемами поэтики. Эпическая традиция должна быть изучена в единстве стиха, напева и исполнительства. Односторонне филологический подход, доминирующий в работах почти всех исследователей эпической традиции -

В.Я.Проппа, Б.Н.Путилова, В.П.Аникина, А.М.Астахова, В.М.Гацак и многих др., так и не привел к решению столь важной научной проблемы.

Несмотря на наличие отдельных работ, посвященных музыкально-эпической традиции, ученые все еще не подошли к этой проблеме - проблеме изучения историко-этнической сущности музыки эпоса вплотную. Многие работы представляют собой лишь эмпирическое наблюдение над эпическим процессом. Нет теоретико-методологических изысканий, способствующих продвижению мысли вперед, решению столь актуальных проблем эпосоведения и способных ответить на следующие насущные вопросы: в чем суть музыкального напева как исторического источника? Роль эпических сказителей в квантовании историко-этнической информации прошлого? Особенности историзма стиха и напева? В чем этническая сущность казахского эпоса?

В рамках эпической традиции сохраняется и развивается как стиль произведения, так и манера исполнения. Примечательно то, что эпическая традиция функционирует не во всех регионах республики. Она развивалась больше там, где наиболее интенсивно происходили историко-этнические процессы, формировавшие этногенез казахского народа.

Географическое распространение эпоса – признак этнический. Достаточно указать на то, что казахский эпос сохранился в основном на Западном и Южном Казахстане. Это связано с тем, что процесс формирования казахской народности, охвативший период с XIV по XVI вв., происходил в среде огузо-кипчакского, ногайлинского улусов, в рамках государства кочевых узбеков и Моголистана. Именно эти события лежат в основе многих эпических сказаний.

Эпическая традиция сохраняет не только исторические события указанного периода. В героических сказаниях немало сведений и о более ранних событиях - отголосках этнической истории древнетюркских племен. Глубина отражения исторического прошлого зависит от возраста, возникновения самой эпической традиции. Это касается и мелоса - музыкальной речитации, отличающего музыку эпоса от других жанров фольклора. Для определения этнической сущности эпоса необходимо изучить не только сюжет, традиционные мотивы, но и функциональное значение, семантические свойства музыкального напева. Какую смысловую нагрузку несет та или иная интонация? Какой напев представляет собой наиболее древний пласт, а какой является наслоением? Какой стиль лежит в основе определенного эпического сказительства? Что общего между различными проявлениями музыкально-эпической традиции? Отдельные стороны этой проблемы мы попытались осветить с предвдущих работах [13].

Учитывая устойчивость музыкальной интонации и его ладоопределяющих признаков, можно сказать, что напев древнее стиха, следовательно, сюжета и содержания. Напев – категория историческая, несущий в себе музыкальный "код" какого-либо племени. Музыка эпоса "всегда конкретна этнически и социально, опознаваема по структуре,

звукоидеалу, артикуляции и тембру" [14]. Для осуществления этих задач музыкальная этнология должна вооружиться историко-генетическим, сравнительно-историческим, типологическим и стадиальным методами исследования, совокупность которых составляет методологию историко-этнического изучения музыкально-эпической традиции.

Для эпосоведения XXI в. односторонне-поэтическое изучение – пройденный путь. Сейчас перед учеными стоит более сложная задача – изучение этнических истоков героического эпоса, некогда считавшегося художественным творением народа. Мы полностью солидарны с мнением, что «негативизм по отношению к использованию фольклора в качестве исторического источника, (нередко проявляемый прежде всего фольклористами), обедняет возможности восстановления этногенеза и этнической истории, древних общественных отношений и культуры народов мира» [9, 9].

Все это наводит на мысль: какие категории научного познания приемлемы для изучения героического эпоса в качестве историко-этнического источника? Решение этой проблемы надо искать не в поэтике, а в типах самого мышления. Известно, что фольклор – показатель коллективного, а литература – индивидуального сознания. Если к этой проблеме подойти с позиции этнологии, она будет означать следующее: коллективное сознание – явление этническое, а индивидуальное – поэтическое. Следовательно, эпическое сознание – явление художественное, категория эстетическая. Оно не может заменить этническое сознание и процесс, которые являются основным, определяющим показателем принадлежности эпического сказания к какому-либо племени. Здесь же проглядывает научное заблуждение, рассматривающее фольклор под углом индивидуального сознания, т.е. в качестве литературного произведения.

Достижения науки последних десятилетий позволяют нам говорить, что «многое из того, что прежде безоговорочно признавалось явлением эпической идеализации, находит подтверждение в реалиях материальной культуры, в традиционных воззрениях изучаемых народов» [15]. Освещая методологические аспекты этой проблемы, Л.И.Емельянов писал следующее: «Мы имеем ввиду проблему историзма и прежде всего тот ее аспект, который предусматривает изучение отношения фольклора к реальной действительности, к конкретным событиям и фактам национальной истории» [16]. Это в полной мере относится и к казахской фольклористике, где доминировал поэтическое направление.

Мы часто замыкаемся на том, что героический эпос не освещает конкретных исторических событий, что в нем трудно обнаружить историческую хронологию, линейный отсчет времени. Однако эпос возникает, пусть даже не по горячим, но все же по следам этнического процесса. Он подвижен там, где функционирует эпическая традиция, основанная на этническом сознании и самосознании племен. К тому же эпос, как народная память, не в состоянии, да и не должен освещать все

мельчайшие подробности исторических событий. В нем откладываются основные моменты этнического процесса, как, например, борьба кипчаков с кызылбасами, коныратов с калмыками, т.е. одних коренных этнических групп с чужеземцами.

И хотя этнонимы, встречающиеся в казахском эпосе, принадлежат к различным отрезкам исторического времени и представляют собой стадияльное явление, на основе этнонимов, топонимов и антропонимов, а также путем умелого снятия различных пластов, все же можно проследить отдельные эпизоды прошлой эпохи. Степень устойчивости этнических данных в эпосе всецело зависит от уровня и активности этнического сознания. И там, где функционирует эпическая традиция, доминирует самосознание народа, невозможны изменения этнического характера.

Героический эпос, по выражению Л.Н.Гумилева, плод мемориальной фазы этнического процесса. Это означает, что этнические истоки героического эпоса нельзя выводить из его художественной системы. Это та самая методологическая ошибка, которая привела к отрыву эпоса от исторического процесса, этнической истории племен.

С теоретико-познавательной позиции этническое сознание в эпосе – базис, а поэтическое – надстройка. Первое – явление этнографическое, второе – эстетическое. Иначе говоря, историко-этнический процесс – первичное, а художественно-эстетическое обобщение – вторичное явление.

Эти категории свойственны различным стадиям научно-теоретического изучения эпоса. Лишь при таком научно-познавательном подходе эпосоведение может опереться на крепкие основы научного познания.

Этническое сознание – осознанное бытие какого-либо этнического объединения: рода или племени [16, 101]. Оно проявляется в эпосе как социально-информационное сознание, с его познавательными свойствами. С позиции теории познания сознание – знание, без которого нет и самосознания [17]. Это говорит о том, что мы при изучении героического эпоса упускаем самое важное – уровень знания отдельных родоплеменных объединений.

Для достижения научной истины немаловажное значение имеет так называемое социальное сознание, основная функция которой заключается в квантовании деловой и умственной практики старшего поколения [18].

Социальная память, которая, наряду с сохранением различной информации, может фиксировать и оценку этих явлений, бывает неполной, фрагментарной. Поэтому его отражение в эпосе может иметь различную форму и состояние.

Историко-этническая природа казахского героического эпоса – явление самобытное. Это трудно наблюдать в былинах, в которых вместо этнонимов встречаются ойкономические наименования, свидетельствующие о другом уровне эпического мышления, и, следовательно, о другой стадии общественного сознания.

Познавательную природу героического эпоса можно показать в следующей схеме:

В этой связи необходимо уточнить теоретические аспекты эстетического и этнического изучения эпоса, ибо поэтика – синхронное изучение, а историзм – диахронное. Они составляют две разные сферы эпосоведения. При синхронном изучении применяется типологический, а диахронном – этнологический методы. И это позволяет нам говорить о героическом эпосе вообще, и казахском, в частности, как об историко-этническом источнике. Героический эпос, в отличие от других жанров фольклора, возникает по следам этнической истории. Формула этой научной теории такова: без этноса нет героического эпоса, а без этнического процесса – эпической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эткнд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение №47, 1/2001, С.7-12.
2. Путилов Б.Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – СПб: Петербургское востоковедение, 1999.
3. Фольклор. Проблемы историзма. – Москва, 1988. С.3.
4. Inewsletter/Published by Nordic institute of folklore. Turku, 1987, №1.P.8.
5. Алем. Литературно-художественный альманах. – Алматы, 1991, С.95-96.
6. Кравцов Н.И. Сербский эпос и история. – СЭ, 1948, №3.
7. Этническая история и фольклор.- Москва, 1977, С.127.
8. Фольклор. Проблемы историзма, С.50.
9. Толстова Л.С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов // Фольклор и историческая этнография. – Москва, 1993, С.8.
10. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. - Ленинград, 1971.
11. Асафьев Б.В. О народной музыке. - Ленинград, 1987, С.12.

12. Земцовский И.И. Музыка устной традиции как исторический источник // Фольклор и этнографическая действительность. - СПб., 1992, С.156-161.
13. Конаратбай Т. Эпос и этнос. Этнические истоки казахского эпоса. Монография.- А. - 2000, С.8-45.
14. Земцовский И.И. Артикуляция как знак этнической культуры // Этнознаковые функции культуры.-М.,1991.
15. Этническая история и фольклор, С.3.
16. Емельянов Л.И. О границах метода и «единицах историзма»// Русский фольклор. XIX. – Ленинград,1979, С.113.
17. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. – Москва, 1991, С.100.
18. Методология истории. – Минск, 1996, С.63.